

Николаев Игорь

ДАМСКИЙ КОМПОЗИТОР

Моск. правда. - 1993. -

6 нояб. - с. 3

6.11.93

Для его всенародной известности он очень молод, но кажется, что он так долго именит, что знаем мы его сто лет, с поры, когда нам еще нравились бесхитростные мелодии и простенькие, но стильные рифмы.

А теперь настали времена другие, времена кабацких кравов, и его готовы зачислить в разряд старозаветных мастеров, сохраняющих приверженность красивой музыке, не бьющей по голове и по ушам, а как бы глядящей, и текстам со словом "любовь" без всегдаших теперь приставок "секс, секс, секс". Многие подозревают в нем упадок сил, упадочное настроение, мол, кончился. (С этого, кстати, начал и я "допрос".) Он аккуратно, тихо и твердо ответил "диагноз". Но не стал бить себя в грудь и уверять, что все клево. Он просто отвечал на вопросы. (На пару, упреждаю, не ответил. Его право. Читайте). Для стартового я прикинулся визуальным впечатлением.

НИКОЛАЕВ И КРИЗИС

— Я не раз и не два слышал "приговоры" в твой адрес. Надо сказать, суровые. Про, например, кризис, в который ты блал и который на сей раз — окончательный.

— Кризис — это нормально! Это самое плодотворное, продуктивное состояние. Тут очень впадет Вознесенский. "Как деградирует весна на тайном переходе к лету". Что-то такое накапливается в тебе, хорошее, чему обязательно будет выход...

— "Успокойся, в хорошие книжки заройся" — тобой, между прочим, цитируемый Еб-тушенко несколько лет тому в ответ на аналогичный вопрос.

— Вопрос, между прочим, задавал ваш главный редактор.

— Ну так — тема бзная... Прежде ты отвечал, что разговоры о собственном твоих кризисах тебя угнетали только по пербости... Но, Игорь, трудно поверить, что такие толки не задевают за живое, да еще артиста, который суть "существо без кожи"...

— Тем не менее. У меня иммунитет. И выбранный он в первую очередь огромным количеством прочитанных в детстве и юности книг. И избирательно отобранных памятью. А первая книга — Библия, потому что вся остальная литература — вариации на вечные библейские сюжеты. Депрессия на поверку — одно из самых прекрасных состояний. "Я в кризисе. Душа нема", — это тот же Вознесенский, но — никакой катастрофы!

Что такое кризис? Он составляет в нашей жизни процентов 90. Больше того: из оставшихся... эти десять процентов тоже не состоят, увы, из удач, они состоят из будничной маелы.

Россини написал в молодые годы "Севильского цирюльника" — и все, и ничего больше. Но это — написал. Как прикажешь относиться ко всей последующей жизни его — как к кризису?

— Заострю вопрос. Ты, конечно, избини, но если вдруг с тобой случится такое, но не как преходящее состояние...

— Я и к этому готов, точно знаю, все это суета, все это от гордыни. Я переживу, за себя я уверен.

НИКОЛАЕВ И ПОЗИЦИЯ

— Ты всегда декларируешь антиидеологичность, но как же тогда: "Поэтом можешь ты не быть..."?

— Я — профессиональный музыкант. Поэтому мне гораздо удобнее и приятнее говорить о музыке. Идеологии и политика — не мое. Я пишу песни, они не несут ничего такого они о чувствах. О вечном. А про экологию я писать не умею, про нее напишут другие.

Сейчас так модно среди артистов "бороться"...

— А я, слава Богу, модным в этом смысле не был. Строчки Маршак стали моей заповедью: "Ты старомоден — вот расплата за то, что модным был когда-то". Я точно знаю: быть вне моды равняется быть непохожим, и я доволен.

— Мне известно, что в "начале пути" (прошу прощения за штамп) ты сотрудничал с Андреем Вознесенским...

— Да, мы писали две песни, и я хорошо помню, как ко мне, лишенному каких-то регалий, каких-то заслуг, не имевшему репутации, веса, пацану по большому счету, он отнесся как к равному, в высшей степени доброжелательно... Потом, ты знаешь, у меня очень ограниченный заветный список литературы, который я время от времени перечитываю. Туда, безусловно, входит Вознесенский. Хотя я знаю наизусть добрую половину им написанного, держат в руках его книжку — такой же для меня кайф, как и прежде.

НИКОЛАЕВ И БЫТ

— Все, что есть у меня, зарабатываю в поте лица, но я считаю глупым отчитываться, чтобы, не дай Бог, не заподозрили в чем-то... Но сведения о шике, в котором мы кулаемся, наверняка преувеличены...

Я пришел в этот мир (имею в виду артистический, эстрадный мир) из соображений высоких. Это было отравным, нюансы: что кому и почему — было потом. А пришел я из потребности быть нужным.

— Попытаюсь вернуть разговор в бытовое русло... Вот, скажем, баше успешное турне по Германии, и много о нем читал.

— Слава Богу, говорю как есть... Нам постоянно продлевали немецкий контракт потому, что он проходил успешно, а мы ездили не по войскам, а по городам... Везде были аншлаги, и все время менеджер настаивал на продлении.

— Ну, тогда тем более должны были быть решены все проблемы с моим...

— Нет, мы там ничего не накопили, но я говорю это ни в коем случае не с сожалением. Потому что все это время, пока мы там находились, мы там жили, понимашь?

Да, по себе мы уяснили, что человек быстро привыкает к хорошему. В нашем случае — к определенному уровню жизни. И потом, я не вижу смысла в том, чтобы набивать, как ты говоришь, мощну — зачем? Мы очень довольны этой поездкой в том смысле, что имели возможность позволить себе прекрасные отели с потрясающими условиями. Благодаря Богу, что он нам дал пожить этой жизнью (как ни наивна такая радость). Потому что то, что он нам дал заработать, — это причина, следствие же — хорошая Жизнь. Нет, так: нормальная жизнь.

— И бы, стало быть, возвернулись ни с чем, но добольные?

— Почти ничего не осталось, так, на туристском уровне. Быть может, иной поступил бы по-другому.

Зато был потрясающий парк во Франкфурте! Мы туда забрели однажды вечером и с тех пор ходили ежедневно, как дети радуются совершенно захватывающим аттракционам, атмосфера просто сказочная!

— А можешь ли ты себе сегодня позволить снять клип (знаю, на чем любить самых крутых звезд)?

— Я очень давно не делал клипов по той же, что у всех, причине — за отсутствием денег. Какой может быть выход? Я очень хорошо знаю, что нужно просить, искать того, у кого можно попросить... Но ведь ты помнишь Вольанда, то хрестоматийное "никогда ничего не проси". Уповать, что "сами предложат и сами все дадут"... Утопично, но я так уж создан... Один раз мне повезло, сами предложили и дали, это был клип "Бедный Моцарт"...

Парадокс в том, что (но это ни в коем случае не ныть) есть уйма людей, которые испытывают проблемы с репертуаром, но которые не знают проблем с капиталами. У меня, у нас — все наоборот. У нас много подходящих песен, но...

Та же Ротару, которая до сих пор мегазвезда, собирает стадионы, боготворима, — у Ротару нет ни одного клипа!

— Да, кстати, интересно знать твое мнение насчет клипов — в оценочном смысле. Рейтинг отечественных клипов.

— Лучший на сегодня клип, я полагаю, со всех точек зрения, — у Валерии. То есть тут дело в том, что лучшие клипмейкеры соревнуются, кто изощреннее снимет клип для Валерии. Почему нет, если есть у нее возможность?

Но нельзя обойти такой вопрос: во имя чего это все делается? Во имя того, чтобы донести до людей песню, верно? И даже я, когда мне сказали, что будет концерт Валерии по телевидению, очень ждал этого концерта, не сборника клипов, но именно концерта! В итоге же увидел именно клипы, разбавленные осаннами суперзвезд... Все это хорошо, но вот просто под свое имя собрать полный "Олимпийский", отработать честно два часа перед людьми — это совершенно другое. Народная любовь — это то, что не купишь за самые большие деньги.

НИКОЛАЕВ И НАТАША

— Ваши последние сольники, мне кажется, были давно...

— Ну почему же давно? Они были год назад. А год — это немного для концертов ранга "Олимпийского". Мы отработали тогда шесть сольных концертов при аншлагах, по два в день.

Нас просят, конечно, дать совирую концертов, причем предложения обстоятельны... заманчиво, но я не вижу себя способным на сегодняшний день сделать новую программу. Не "Дельфин и Русалка", а что-то новое... Тогда я так же мучительно искал центральную идею, теперь черед нового...

— Скажи, пожалуйста, Наташа продолжает в Москве образование?

— Нет.

— А пробует ли она себя на композиторском поприще?

— Нет... пока нет попыток написать самой. Хотя у нее есть одна песня, написанная в детстве, и ты знаешь, она неплохая, ничего себе. А чтобы серьезно — нет.

Наташа — очень умный человек, она понимает, что если делать это, то делать профессионально, а поскольку у нее есть ежедневный повод для сравнения, она и задается вопросом: зачем? Скажем, если я точно знаю про себя, что не умею танцевать, то я и не танцую. Может быть, я и хотел бы, да не умею, хоть ты тресни. А Наташа умеет, и все знают, что умеет, и она это с большим удовольствием делает. А если она не умеет писать песни — она и не пишет их.

— Какой была ваша реакция на громкую статью в молодежной газете, где Наташе просто посоветовали сначала подкабаться в ударениях, а уж после угаряться в лирику...

— Ну, никакой катастрофы я в этом не вижу. Конечно, тон мог быть в конкретном случае другим, но все равно: и такая оценка имеет право существовать.

— Но это твое отношение, зрелого человека. Но бедо Наташа...

— Дело не в возрасте, она очень трезво на такие вещи смотрит.

И потом, мне кажется, я сообщил ей, что ли, свое отношение к таким вещам.

Я помню, на первых порах и меня такие наезды обижали. Но я тебе парадоксальную вещь скажу: я был не прав, потому что так отреагировал.

Это очень непростая "теория", нужно ею проникнуться, и Наташе это удалось.

— Ну просто не семья, а ячейка толстовцев...

— Нет, ну, в каких-то вещах, наверно, мы совпадаем, иначе как бы мы были вместе?

А что касается "толстовства", это особый разговор. И у Наташи, и у меня (тем более) было много случаев, когда мы "ревисовали" свои суждения. Спасают библейские постулаты. Хотя бы один, что на поверхности: "Не суди, да..." А если тебе на это недоуменно или злорадно скажут: "А импрек продолжает, гад, судить тебя", ты отвечаешь: "Возлюби врагов своих..." Хотя очень трудно внушить себе, что это не от слабости. Но если внушишь, то всегда будешь победителем. И тот человек, что причинил тебе боль, этот человек поражен и сражен твоей силой, силой твоего духа, такой поворот вещей его просто убьет... И пройдут годы, все перемелется, нет ничего нового под солнцем, и этот человек окажется в числе твоих доброжелателей, я убежден в этом.

— Ты так убедительно об этом говоришь...

— Потому что — опыт. Это чрезвычайно важный для нас с Наташей постулат, чтобы я мог вот так, запросто, на эту тему философствовать.

— Я помню, как ты говорил о принципе распределения песен между тремя дамами.

— На самом деле так: когда у меня готов материал (а я стараюсь написать зараз три песни), я его наигрываю каждой. Ты представляешь, ни разу не было такого, чтобы каждая из них не угадала свою песню!

— А имеет ли между женщинами место ревность?

— Ну... мне кажется, нет, удается этого избежать.

— Игорь, твоя бывшая супруга...

— Это очень интимно, камерно.

— Ты не великий охотник распространяться на обожамую народом тему "семейная жизнь"?

— Что в наших условиях совершенно естественно, потому что у нас ненормальное освещение семейной жизни. У нас это все направлено на бытовую, скандальную с клубничкой, разводно-сводную тему, крутящуюся вокруг постели.

— Игорь, помилуй, звезда обречена на изучение логики ее жизни на просвет. Вот на Западе...

— Но ведь о Западе я и говорил! Когда я читаю тамошнюю подлчу подобной тематики, я понимаю, ради чего это все сделано: все направлено — как сказать? — на "усиление звездности". Служит звезде. Служит романтизации облика артиста. Если это роман, то это "звездный" роман, если скандал — "звездный" скандал, и ни в коем случае... У нас вместо эротики получается дешевая порнуха, понимаешь? Тут что пресса, что кино (вспомни наши сцены альковные). У нас, воля не или неволью, "светская" жизнь направлена на уничтожение артиста. На низведение его до уровня (если исходить из лужишной теории на этот счет) "черня".

НИКОЛАЕВ И КИНО

— Я заметил, что всякое почти суждение ты иллюстрируешь, так определи, кинематографическими наблюдениями.

— О, это моя страсть!

Но я — особенный зритель против большинства. Я жду от кино... Как объяснить... Вот все ругали картину "Телохранитель" с Кевинном Костнером. Обыкновенное поношение мелодрамы, почему-то этот жанр неприемлем. Меня же этот фильм безумно тронул, и мне абсолютно все равно, сочтут ли мой вкус примитивным. Наташа плакала. Я же сидел просто огушенный... А пресса атаковала: "слабый фильм", "примитив", упреки в непрофессионализме... Обычная история, ты понимаешь, история, которая доказывает, как далеко от народа все это: господа, рассуждающие, какое искусство надобно народу, сама эта дурацкая традиция все априори отрицать... Всегда забывается, ради кого все создается, забывается конечный потребитель всей продукции... Но если моя, наша оценка совпадает с оценкой такого человека и чистого сердцем человека, как Володя Пресняков, — значит, наши критерии нормальные.

Я был на премьеры "Дракулы". Копиполы (всемирная премьера). Ты знаешь, я убежден, что просмотр фильма на видеомагнитофоне равносильного прослушиванию по радио. Эффект не тот, что в настоящем кинотеатре, где звук, изображение таковы — по уровню, по мощи — что ты понимаешь, что хотел сделать режиссер. Мне посчастливилось быть на нескольких премьерах такого рода: "Бэтмен" в Нью-Йорке, "Индиана Джонс" в Стокгольме... А! Самое потрясающее, что я видел вообще на своем веку, это мультфильм (тоже премьера) "Аладдин" в Лос-Анджелесе. Боюсь, у меня не хватит сил. Ничего подобного я, преклонных лет человек, еще не видел. Знаю, что тех, кто будет его смотреть по видео, ждет разочарование. Потому, что они лишены будут того шоу, каковым была обставлена та демонстрация, на которую мы сподобились попасть.

— Игорь, избини, я брпалю вопрос не по теме: а где бы останавливались в Америке?

— Мы жили в "Рузвельт-Отеле", том самом, где жили все знаменитости, в первую очередь, конечно, Мериллин Монро.

...Так вот: симфонический оркестр, скрипка с валторной, ты не сидишь, как в стереокино, в этих дурацких очках, чтоб получить какой-то мнимый эффект, но тем не менее ты пребываешь внутри мультфильма.

И после этого шоу ты думаешь, что получил в жизни все отпущенное тебе удовольствие.

Я таким орудием, визжащим, хохочущим на всю катушку, плачущим себя не помню. Наверное, я так думаю, это компенсация была за все то, что я недосмотрел в детстве своем. Ты не поверишь, вот я сидел в чужом городе, в чужой стране, взрослый...

... "старый"...

... да, старый человек (смеется. — О.К.), сидел и смотрел во все глаза мультфильм, и так многое понял за это время! И пошел на второй день, и мысли не было, что возможно разочарование. Его и не случилось.

— Интересно, сколько стоит такая радость?

— Что-то около 15 долларов. Это был самый дорогой кинотеатр. Но наплевать.

— То есть по душе тебе простое кино.

— Даже можно без кавычек. Простое. Жизненное.

НИКОЛАЕВ И ПРОСТОТА

— Вот за природную склонность к этой простоте, которую отождествляют с элементарностью и образчиком которой считается "Бедный Моцарт", тебе и "полагает по первое число".

— Есть простота и Простота. Если говорить о "разжеванности", то я не читал ничего более "разжеванного", чем предисловие к "Ромео и Джульетте" Шекспира.

Слушай... Две равноважные семьи... в Вероне... где встречаются нас события... что делается?.. ведут междоусобные бои... все разжевано? Дальше... друг друга любят дети главарей... так, понятно... но им судьба подстраивает козни... и гибель их у гробовых дверей кладет концы непримиримой розни... Все! Это "дайджест трагедий" — чем не верх простоты?

Поход (если говорить высокопарно) к простоте всегда сопровождается со стороны критики градом упреков в упрощении, перерастающем в профанацию. Но именно такая критика — показатель того, что все нормально. Вот если нет ее — тогда что-то не в порядке, что-то, значит, не то.

— Сейчас вспомнил, как песочили "Комарово" приснопамятное...

— А народ ее пел воясю. Еще одна параллель: и "Подмосковные вечера", если тебе известно, Соловьеву-Седову стали дорого. Так что — тут все не так просто, с простотой.

НИКОЛАЕВ И ВЕЛИКИЕ

— Расскажи, пожалуйста: как у тебя с зарубежными твоими проектами? Я помню потрясающую по мелодике песню, спетую тобой со шведской певицей, кажется, Леной Филиппсон?

— Да, спасибо, песня была, и правда, удачная, я записал ее не только с Леной Филиппсон, которая сейчас там признана секс-символом, но и с Лиз Нельсон, она теперь в Швеции певица номер один. И каждая из них взяла эту песню себе на пластинку. У Лиз был еще один интересный дуэт — со знаменитым Майклом Болтоном.

С Майклом, к слову сказать, у меня связаны интересные "мемуары".

Мы с Володей Матеичем ездили в Хельсинки встречать группу американцев, была мерзкая погода, дождь со снегом, и тогда Майкл еще не был супер. Мы общались, рассуждали за жизнь, причем он особенно напирал на то, что жизнь невероятно тяжелая... Мы ели хот-доги, политые кетчупом, слушали, а он... рассказывает: надо платить за квартиру, у меня однокомнатная квартира, кошмар, денег нет совсем, никакой надежды — ну, полный ад!

Потом мы сидели в номере. Майкл пел. И я сказал Володе Матеичу: если, говорю, этот человек, который вот сейчас сидит на диване и играет на гитаре, там... влачит... тогда вообще ловить нечего, надо завязывать к чертовой матери с музыкой.

Потом мы все приехали в Москву, была очень трогательная сцена прощания... И вдруг — превращение, которое, очевидно, возможно только в Америке! "Голос Года", премии, певец номер один... Просто невероятно.

И что происходит?

Вместо снятия трубки и разговора "привет, слушаю" — работает ответчик.

Который никогда не отвечает.

И Володя Кузьмин, который написал с ним в Москве песню, — эта песня так и не была записана, исполнена.

Потом, на одном из "пати", мы встретились, случайно, и он признался, улыбаясь. Но это было такое — "кип смайл" — традиционное экетичное "держание улыбки".

— Не касательно сути твоего рассказа, но исходя из последних слов: скажи, пожалуйста, как часто ты наблюдавал такие малоприятные метаморфозы с переносом уже на отечественную почву? Ты такой же по отношению к таким типам "миндальный", как всегда, со всеми?

Конечно, всяков видел. Но я отою на том, что каждый сам себе выбирает линию, манеру поведения.

Говоря в широком смысле, у меня лично никогда не было автоответчиков. Еще раз огорюсь, что мои "анти-автоответчики" не следуют почитать буквально. Наоборот, это здорово, когда он есты! Я сам временами думаю: "Как здорово, берешь, слушаешь, чего там наговорили..."

Возможно, мне просто лень его поставить, возможно, мне просто импонирует брать трубку и говорить "Алло!"

Знаешь, я не тот человек, которому приближение к величине может застить созданное этой величиной. Ведь если ты видишь, что человек этот просто ест, просто пьет, видишь, что именно он ест и пьет, наблюдаешь его в домашнем интерьере, то для тебя он как бы уменьшается. Становится обыденным. А этого не должно быть. Вот я знаю Аллу Борисовну уже очень много лет, из которых я восемь просто с ней проработал, и она от этого не становится меньше, она — Великая Пугачева.

Вообще я счастливый человек в том смысле, что знаком на личном уровне с очень многими западными истыми звездами, и говорю об этом ни в коем разе не как о своей заслуге, но просто для подчеркивания мысли: настоящая звезда — предельно простое, доброжелательное, искреннее существо, плюс трудолюбие. Например, Бэнни Андерсон из легендарной "АББА".

— Ты — такой же? — Мне хотелось бы быть таким.

Отар КУШАНАШВИЛИ.